

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ И ДУХ ПАТРИОТИЗМА: ЖИЗНЕННЫЕ И НАУЧНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ

***Аннотация.** В статье, посвященной юбилею профессора Б.С. Эбзеева, анализируется вклад ученого в развитие российской конституционной доктрины через обоснование концепции конституционных обязанностей. Показано, что данная концепция, служащая конкретизированным воплощением патриотизма в конституционно-правовой науке, является органичным продолжением личного духовно-нравственного «кодекса» ее автора, выражает не абстрактное теоретизирование, а естественную мудрость. Отмечается важность в реалиях современности раскрытия и развития смыслов и образов этой концепции для формирования конституционной парадигмы суверенной российской государственности.*

***Ключевые слова:** Б.С. Эбзеев, конституция, конституционализм, конституционные обязанности, правовой статус личности.*

CONSTITUTIONAL DUTIES AND THE SPIRIT OF PATRIOTISM: LIFE AND SCIENTIFIC IMPERATIVES

***Abstract.** The article prepared for the anniversary of Professor B.S. Ebzeev analyzes the contribution of the scientist to the development of the Russian constitutional doctrine through the substantiation of the concept of constitutional duties. It is shown that this concept, which serves as a concretized embodiment of patriotism in constitutional legal science, is an organic continuation of the personal spiritual and moral «code» of its author, expresses not abstract theorizing, but natural wisdom. The importance of revealing and developing the meanings and images of this concept for the formation of the constitutional paradigm of sovereign Russian statehood in the realities of modernity is noted.*

***Keywords:** B.S. Ebzeev, constitution, constitutionalism, constitutional duties, legal status of the individual.*

Выдающийся российский ученый-конституционалист современности, профессор Борис Сафарович Эбзеев обладает уникальным опытом как теоретического, так и практического конституционализма. На протяжении 30 лет он принимает самое непосредственное участие в деятельности

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва

разных ветвей государственной власти — судебной и исполнительной, а также содействует обеспечению избирательных прав граждан. Тем более ценны и авторитетны его суждения. Уважение к человеку, широкий кругозор, принципиальность, непоказная любовь к Родине лежат в основе его жизненного кредо. Научная позиция, тем более развернутая доктрина, характеризующая ученого (в особенности, если речь идет о пространстве социогуманитарного знания, где поиск истины сплетается с обретением правды, познание социальной реальности — с обоснованием жизненного смысла), неизбежно, хотя и с разной степенью выраженности несет на себе отпечаток его личных качеств, сложившейся под воздействием воспитания и опыта системы мышления и мировоззрения, определяющей так или иначе ценностный, духовно-нравственный каркас его исследовательской и наставнической деятельности. И это вполне естественно, если вспомнить, например, Иммануила Канта и его внутренний закон, или Антуана де Сент-Экзюпери, полагававшего, что человек замечает в мире лишь то, что уже несет в самом себе.

Вся интеллектуально-творческая работа профессора Б.С. Эбзеева — в ее печатно-исследовательской, изустной, служебно-профессиональной формах — яркое, отчетливое подтверждение и отражение нравственности, пассионарности и честности научной школы Саратовской государственной юридической академии, которая его сформировала. Это и моя альма-матер, в стенах которой я имел удовольствие слушать лекции профессора Эбзеева, и многие из них помню. А ведь прошло почти 40 лет, — настолько его аргументы были убедительны и афористичны.

Проницательность и глубокое понимание жизни позволили Б.С. Эбзееву сформулировать концепцию конституционных обязанностей, отражающую авторское миропонимание и видение самого конституционализма как диалектического единства, взаимообусловленности личного и коллективного, индивидуального и общественного начал, политико-правовой формы и институционального режима осмысленной и ответственной, нормативно упорядоченной (как юридически, так и морально) свободы.

«Не личность или общество», но «и общество, и личность», — постулирует Б.С. Эбзеев, замечая, что «демократический конституционализм как теория и практика правового регулирования преодолевает разрыв между естественным и позитивным правом», которые «органично дополняют друг друга и находятся в единстве в качестве структурных элементов конституции и характеристики ее сущности» [1, с. 25]. При этом «конституция не только ограничивает государство, но и санкционирует его деятельность» [1, с. 37], а в отечественном конституционном строе «государство было и остается главным фактором культуры и прогресса» [1, с. 146]. Этот подход, обусловленный философско-историческим и социокультурным пониманием конституционализма в его связи с личностью, позволяет видеть в позитивном праве и государстве не просто необходимые условия и рамки, в которых реальная свобода может

состояться, но и атрибуты самой правовой свободы, которая обесценивается и выхолащивается в анархическом своеволии и беспредметности. Хотя она как таковая существует не в одной лишь принадлежности к личности, но и как элемент социальности и государственности, предназначенный к ее лучшему устройению. Права и обязанности личности, замечает Эбзеев, не только выступают как «форма ее самовыражения», но и являются «способом поощрения той деятельности, которая отвечает общему благу» [1, с. 298].

Б.С. Эбзеев, посвятивший свою жизнь беззаветному и самозабвенному патриотическому служению, в котором свобода научного творчества предстала и раскрылась неотделимо от просвещения, наставничества и практических исканий общественно-государственного прогресса, путей социально-созидательного развития и благоустройства, проводя эти жизненные принципы в науке, поставил фундаментальный, а на определенном историческом этапе весьма болезненный (если не сказать маргинальный и табуированный) вопрос о социально-государственном значении свободы, которая не только не может быть категориально и сущностно сведена к правам человека, исторически и практически не исчерпывается ими, но и обосновывает, предопределяет его обязанности, а в комплексном морально-юридическом измерении социальной регуляции подразумевает долг как императив общественных отношений.

Исторически преимущественно в странах западного цивилизационного типа зародилось и теоретически оформилось представление о правах человека, возникающих помимо и вне государства и исходящих от него велений, как имеющих всеобщее и безусловное значение первичного системообразующего фактора всей государственно-общественной жизни. В этой парадигме именно права человека, а не что-либо другое (не иные социальные ценности), определяют основания, существо, пределы, организацию и целеполагание как общества, так и государства. Соответственно предполагается, что общество и государство как некие социальные инструменты для реализации прав человека могут наилучшим образом обеспечивать эти права в том их понимании, которое в большей степени соотносится с целями расширения пространства свободы личности.

На заре либеральной эры концепция прав человека, построенная в категориях обособления, независимости, индивидуализации человека, действительно играла определенную позитивную и прогрессивную роль для отстаивания этико-социальных и религиозных начал человеческого достоинства против системы абсолютизма. Однако изначально заложенная в ней идеология главенства личных интересов, во-первых, не отражала общепризнанные представления о взаимоотношениях личности, коллектива, общества и государства, во-вторых, внутри самой западной традиции права культивировала чрезмерный эгоизм, потребительство, социальную атомарность.

В иных, не относящихся к западному цивилизационному типу странах, права человека, признаваемые в качестве действительно одной из важных,

базовых юридических категорий, трактуются с позиции исторически сложившихся в данной социальной среде взаимоотношений человека, коллектива, общества и государства, их отражения в ценностно-мировоззренческих установках, политико-правовых идеалах и государственно-целевых приоритетах.

В России государство сформировалось как органическая политико-правовая и нравственная форма и самостоятельная ценность общества. Оно выступает как властно организованное социокультурное и территориальное единство людей и служит естественно-необходимой формой социальной жизни для осмысленного, плодотворного и достойного существования. Для отечественного правосознания всегда было характерно представление о том, что свобода заключает в себе идею служения и ценна постольку, поскольку позволяет человеку наилучшим образом реализовать свое высокое призвание, исполнить долг перед другими людьми, семьей, государством, народом. Приданные этим архетипическим представлениям извращенно-гипертрофированные тоталитарно-насильственные формы породили страх обезчеловечивания власти и общества, ставящих обязанности человека вровень с его правами, тем более выше прав.

Конституционный перечень обязанностей человека и гражданина оказался небольшим, и внимание к ним со стороны исследователей по конституционному праву было и остается скромным, поверхностным. Между тем, такое положение противоестественно и неконструктивно, ибо доктринальное и конкретно-прикладное пренебрежение к конституционным обязанностям создает реальную угрозу реализации конституционных прав и общественно значимых интересов.

Обязанности человека и гражданина, по мнению Б.С. Эбзеева, обеспечивают (в единстве с правами человека) согласование и сочетание интересов личности и общества, гражданина и государства, формируют тот баланс индивидуального и социального, без которого общество не может существовать [2, с. 209]. Соответствующие обязанности есть выраженные в конституционных нормах и закрепленные в них виды и меры должного поведения личности, заключающие в себе требования к поведению каждого члена общества, выполнение которых необходимо, с одной стороны, для обеспечения прав и свобод других, а с другой — для удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [3, с. 218].

Ученый убедительно показывает, что в историко-философском, духовно-культурном, социально-практическом плане бытующее у некоторой части политиков и конституционалистов убеждение о неуместности постановки в Конституции проблемы обязанностей подчеркивает, что такой подход несет угрозу рациональной основе взаимодействия людей, организованных в общество и государство, противоречит конституционной реальности, в том числе (и не только) российской. А потому Конституционное совещание 1993 года, по свидетельству Эбзеева как его участника, хотя

и проявило в общем объяснимую в тот период сдержанность в отношении конституционного регулирования обязанностей, все же отвергло тезис об отказе от такого регулирования. Конституция России исходит из того, что нормальное функционирование общества и государства немислимо без подчинения людей определенному порядку, установленному общей волей, то есть законом. В случае необходимости такое подчинение обеспечивается государственным принуждением, что является гарантией учрежденного Конституцией социального порядка, пресечения возможного произвола индивидов или людей, организованных в различные ассоциации.

Действительно, статья 2 Конституции России нередко ошибочно воспринимается с позиции так называемого персонцентризма, тогда как в действительности речь в ней идет не о размежевании с системоцентризмом, а о правовом синтезе личностного и общественного через закрепление высшей ценности человека как биосоциального существа. Права и свободы — принадлежность человека, рассматриваемого в системе общественно-государственных связей, а не основание, на котором должно строиться само понимание гуманизма. При этом уровень признаваемой за человеком ценности (высшего порядка) сам по себе не свидетельствует о превосходстве любых интересов, потребностей человека, как и об отсутствии смысловых ориентиров, определяющих реализацию этой ценности, сами ее основания и пределы. В целом логика конституционного регулирования состоит в создании правовых условий, при которых наиболее полная самореализация личности сопрягается с общим благом и определяет рост уровня развития общества и укрепление суверенной российской государственности, характеризующих, в свою очередь, реальное — экономическое, социальное, политическое и иное — пространство для осуществления и умножения свободы. Определяющим фактором российского правопорядка является не обособление частного и публичного, индивидуального и коллективного начал, а их согласование, взаимодействие, поскольку весь наш исторический опыт убедительно показывает опасность гипертрофии любого из них: если «всякое преувеличение коллективного начала ведет к тоталитарным формам организации общества и отказу от индивидуальности», то «всякая гиперболизация роли индивидуального начала в организации общественной жизни инициирует анархическое своеволие, чреватое разрушением государственности и принятых в обществе норм человеческого общежития» [4, с. 323–324].

Б.С. Эбзеевым предложено целостное, оригинальное рассмотрение сущности и эволюции конституционных обязанностей человека и гражданина в социокультурной традиции России досоветского, советского и постсоветского периодов, обосновано методологически значимое фундаментальное представление о том, что исследуемые в литературе «ограничения», «запреты» и «пределы» должны тесно увязываться с юридическими (конституционными) обязанностями. Впервые им предпринята попытка классификации обязанностей по различным критериям путем деления их на виды. Так, в системе

обязанностей предложено различать обязанности человека и обязанности гражданина; обязанности позитивные и обязанности, выступающие в форме конституционных запретов и обязанностей-ограничений; активные, требующие от субъекта реальных действий, и пассивные, предполагающие только воздержание от определенных действий. Указывается на возможность более дробной классификации обязанностей по их социальной и юридической природе, нормативному содержанию.

Категория конституционных обязанностей характеризует состояние свободы в условиях гражданской и государственно-политической общности, объединенной историей, языком, культурой, этико-религиозными принципами, бытом и является, по существу, юридически опредмеченным, воплощенным и конкретизированным в правовом статусе гражданина патриотизмом.

Особого внимания и осмысления в этом плане заслуживают суждения Б.С. Эбзеева о неоправданно ограничительном понимании нашими конституционалистами круга основных обязанностей, за рамками которого остаются и долг верности гражданина принципам демократии, как они провозглашены Конституцией, и обязанность поддержания гражданского мира и согласия, и обязывающая сила собственности [4, с. 374–375], а также о нередко искаженном, оторванном от Конституции восприятии и толковании конституционно признанных обязанностей. В частности, крайне плодотворной, требующей обстоятельного развертывания в системе законодательного регулирования выступает обоснованная им точка зрения на обязанность по защите Отечества, которая не поглощается несением службы и не только определяет поведение гражданина в связи с угрозами отечественной государственности извне, но и требует противостоять любым внутренним угрозам суверенитету, независимости, территориальной целостности страны, ее конституционному строю, от кого бы они ни исходили [4, с. 391].

Концепция конституционных обязанностей Б.С. Эбзеева представляет собой, пожалуй, нечто большее, чем научную доктрину, это — важный источник правового и общегражданского просвещения и воспитания, реализуемых в неподражаемой манере самим автором. Категории обязанности, долга, необходимости и им подобные в сложившейся у нас на определенном историческом этапе общественной среде, особенно молодежной, воспринимаются с подозрительностью и настороженностью, преодоление (снятие) которых требует не только выверенной системы рациональной аргументации, но и экспрессивности, пассионарности, стиля, доверия к самому носителю концепции. Здесь нельзя не отметить, что профессор Эбзеев особенно в устных выступлениях (но не только в них) сообщает и проповедует концепцию конституционных обязанностей как элемент научной истины и одновременно естественной жизненной мудрости, морального устоя, который можно именовать также справедливостью или правдой. Ему удается (как и в иных тематических случаях) филигранно использовать всё богатство русского языка в изложении и раскрытии непростых проблем,

сопровождая научный диалог тонкой иронией, юмором, человеческой теплотой и доброжелательностью.

В реалиях современности, требующих от российских ученых-конституционалистов (в особенности от них!) формирования и развития научной конституционной парадигмы развития российской государственности как самобытной державы-цивилизации, основанной на приверженности правовому прогрессу и традиционным духовно-нравственным ценностям, концепция конституционных обязанностей Б.С. Эбзеева приобретает системообразующее методологическое значение. В качестве проистекающих из этой концепции базовых положений соответствующей парадигмы можно обозначить, прежде всего, доминантную ценность Родины как политико-цивилизационного единства, понимание свободы с точки зрения наиболее полного осуществления своего потенциала, призвания для общего блага, нераздельность свободы и совести (которая не только упорядочивает, но и дает свободу). Раскрытие, развитие, оживление в российской теоретической, образовательной и практической юриспруденции смыслов и образов концепции конституционных обязанностей, предложенной Б.С. Эбзеевым, является важным условием достижения успеха в деле комплексного стратегического обустройства нашего суверенного правопорядка.

Список литературы

1. Эбзеев Б.С. Конституционное право России. М.: Проспект, 2019. 768 с.
2. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007. 383 с.
3. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. 574 с.
4. Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма: очерки. М.: Проспект, 2023. 496 с.

**Редакция журнала «Гражданин. Выборы. Власть»
и коллектив РЦОИТ при ЦИК России искренне поздравляют
члена Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации, доктора юридических наук,
заслуженного юриста и заслуженного деятеля науки,
председателя Редакционной коллегии нашего издания
Б.С. Эбзеева с 75-летием.**

**Желаем уважаемому Борису Сафаровичу новых творческих
планов и их успешной реализации, счастья, благополучия,
оптимизма на долгие годы!**